U 292/503

ВЛАСТЬ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

И 292/503

М. ДЬЯКОНОВА.

С.-Петербургъ, 1889 г.

РЕЦЕНЗІЯ

С. М. ШПИЛЕВСКАГО,

заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

И 292/503

76402-44

ВЛАСТЬ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО КОНЦА XVI ВѢКА М. ДЬЯКОНОВА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1889 Г.

Рецензія заслуженнаго ординарнаго професора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея **С. М. Шпилевскаго.**

Г. Дьяконовъ задачею своего труда ставитъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти Московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла познакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ позаимствовала.

Но такой работы авторъ, по его признанію, не счелъ возможнымъ принять на себя, такъ какъ онъ не обладаетъ для этого спеціальною подготовкою византиниста; авторъ желаетъ своимъ трудомъ дать только возможность нѣсколько оріентироваться въ данномъ вопросѣ.

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представ-

ляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученою критикою. Во второй главѣ представляется сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка.

Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой — объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти Московскихъ государей.

По отношенію къ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ третьей и четвертой главамъ, авторъ ограничиваетъ свою роль такъ же преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти Московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, по сознанію самого автора, не измѣняетъ существеннаго содержанія этихъ выводовъ.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторыя изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI в. изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ. Пятая глава озаглавлена «Политическіе взгляды московскаго правительства», шестая — «Московскіе государи и ихъ слуги».

Не смотря на то, что всѣ вопросы, поднимаемые авторомъ, подвергались ученой критикѣ во многихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русской церкви, словесности и права, нельзя не признать, что г. Дьяконовъ, приступая вновь къ повѣркѣ сдѣланныхъ до него выводовъ, на основаніи всѣхъ доступныхъ ему первоначальныхъ источниковъ, предпринялъ полезное для науки дѣло, которое исполнилъ съ успѣхомъ. Ученыя достоинства этого труда будутъ указаны мною при разборѣ его по отдѣльнымъ главамъ.

Первую главу своего изслѣдованія, которая носитъ названіе «Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси», г. Дьяконовъ начинаетъ положеніемъ, что принятіе христіанства поставило Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи, съ этого времени провозвѣстникомъ новыхъ взглядовъ на обществен-

ныя отношенія является духовенство, высшіе представители котораго принимали участіе при обсужденіи всѣхъ важныхъ случаевъ государственной жизни. Чтобы оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства, по мнѣнію автора, необходимо имѣть въ виду, что русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. Авторъ указываетъ основанія этого подчиненія. Вслѣдствіе церковнаго подчиненія византійскому патріарху Русь стала въ зависимость и отъ императоровъ, которые считали себя единственными представителями міровой имперіи. Практическимъ выраженіемъ власти патріарха было избраніе и постановленіе имъ высшихъ представителей русской іерархіи, глава которой, митрополитъ, былъ намѣстникомъ патріарха съ правами послѣдняго.

Для упроченія этой зависимости патріарху было выгоднѣе имѣть своими представителями на Руси лицъ греческой національности; поэтому митрополиты-греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на русскую митрополію происходило въ Константинополѣ; митрополиты изъ русскихъ допускались патріархами только какъ особое исключеніе. Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ Константинополя чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому патріархи постоянно отклоняли попытки на Руси къ раздѣленію митрополіи; въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. патріархатомъ было указано на необходимость единаго церковнаго главы надъ Русью въ виду раздѣленія Руси на отдѣльныя княжества, для которыхъ единый митрополитъ долженъ быть общею связью въ интересахъ мира между подчиненными одному духовному вождю.

Въ Константинополѣ были озабочены и вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ, что видно, напримѣръ, изъ посланія патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому, изъ настольныхъ грамотъ и соборныхъ опредѣленій о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ.

Послушаніе митрополиту не ограничивалось сферою церковнаго управленія, оно требовалось и въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ этой сферѣ. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя, подчиняясь только патріарху и собору.

Эта тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи

о зависимости русскихъ княженій отъ Византійскихъ императоровъ Византійскій императоръ былъ главою церковнаго управленія, поэтому онъ оказывалъ вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ митрополіи константинопольскаго потріарха: русскій митрополитъ поставляется только съ согласія императора, вѣдомству императора подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ, императору принадлежитъ и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви.

Политической зависимости Руси отъ Византійской имперіи не существовало, но идея о ней, возникшая у грековъ, получила нѣкоторое выраженіе даже въ офиціальныхъ сферахъ древней Руси.

Уже въ началѣ IX вѣка патріархъ Фотій говорилъ о Руссахъ, что они поставили себя въ чинѣ подданныхъ и друзей имперіи; въ XII вѣкѣ императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего васала; въ XIV вѣкѣ русскій великій князь носилъ названіе стольника Византійскаго императора; въ половинѣ этого вѣка императоры продолжали включать въ свой титулъ званіе царей русскихъ. Католическій западъ также раздѣлялъ воззрѣніе о политическомъ подчиненіи Руси Византійскому императору: въ XII вѣкѣ германскій императоръ жалуется Византійскому императору на русскихъ, которые обидѣли германскихъ подданныхъ.

Еще до крещенія Руси Византія заключала съ нею договоры, въ которыхъ встрѣчается условіе о помощи Руссовъ имперіи противъ враговъ ея; со времени принятія христіанства Русью, отъ конца X вѣка до конца XI в. въ Византіи постоянно былъ отрядъ русскаго войска, принимавшій участіе въ войнахъ имперіи. Это, по мнѣнію автора, могло быть послѣдствіемъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями, подобно тому, какъ Сербія обязывалась выставлять въ помощь Византіи опредѣленное число воиновъ. Но, говоритъ авторъ, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. И позднѣе въ XIV и XV вѣкахъ Византійскіе императоры называли русскихъ князей своими сродниками и братьями.

Византійскія теоріи отразились и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Вел. кн. Симеонъ Іоанновичъ въ письмѣ своемъ къ императору Іоанну Кантакузену признавалъ царство Ромеевъ и великую церковь источникомъ благочестія и училищемъ законодательства и

освященія. Съ этимъ согласовалось признаніе въ древней Руси градскихъ законовъ столь же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви. Императора вел. кн. Симеонъ Іоанновичъ называлъ «самодержцемъ всея вселенныя».

Но сохраненію этихъ отношеній между русскими князьями и императорами помѣшали политическія столкновенія между ними, которыя начались уже давно, а въ XIV вѣкѣ возникли болѣе серьезныя столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій. Московское правительство заподозрило Византійскаго императора и церковь въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Вел. кн. Василій Дмитріевичъ не позволилъ митрополиту Кипріану поминать имя царя въ диптикахъ, говоря: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ». По этому поводу патріархъ Антоній отправилъ великому князю посланіе, въ которомъ высказываетъ идею о всемірной монархіи и вселенской церкви, объясняя и то, что невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ государей опредѣлены совершенно ясно. При Витовтѣ начались неудовольствія противъ Константинополя и въ Западной Россіи. Послѣ отказа въ Константинополѣ поставить въ митрополиты кандидата Витовта Ѳеодосія, соборъ западно-русскихъ епископовъ самостоятельно поставилъ митрополитомъ своего избранника и въ оправданіе этой мѣры объяснилъ въ окружномъ посланіи, что отдѣленіе послѣдовало отъ Константинополя, а не отъ церкви, вслѣдствіе насилованія царева на церковь божію. Представился и въ Москвѣ серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ, когда въ Москву явился митрополитъ Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополію рязанскій епископъ Іона. Въ Москвѣ не желали, чтобы Исидоръ отправлялся на соборъ въ Ферару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей, а когда, по возвращеніи Исидора съ собора, оказалось, что онъ поработилъ русскую церковь подъ римскую, онъ былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Московскимъ соборомъ былъ поставленъ митрополитомъ Іона и только черезъ два года послѣ этого великій князь отправилъ императору оправдательное посланіе, въ которомъ старыя традиціи Византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно, когда императоръ подпи-

салъ актъ объ уніи. Въ Москвѣ пришли къ убѣжденію, что цареградская церковь отступила отъ православія. Паденіе Константинополя только ускорило подготовлявшійся разрывъ и послужило для русскихъ публицистовъ подтвержденіемъ для обоснованія новой теоріи о Московскомъ царствѣ.

Самъ авторъ первую главу своего изслѣдованія называетъ компилятивнымъ очеркомъ, но въ этой главѣ уже замѣтны всѣ тѣ ученыя достоинства изслѣдованія г. Дьяконова, которыми отличаются и послѣдующія главы. Авторъ постоянно держится на твердой почвѣ историческихъ данныхъ, не дозволяя себѣ никакихъ бездоказательныхъ положеній и выводовъ; онъ вполнѣ оріентированъ въ литературѣ по каждому поднимаемому имъ вопросу и не ограничивается только повтореніемъ сказаннаго прежде него, а самостоятельно повѣряетъ прежде сдѣланные выводы тщательнымъ изученіемъ первоначальныхъ источниковъ; если данный памятникъ извѣстенъ не по одной редакціи, авторъ пользуется всѣми редакціями памятника. Изложеніе его отличается полною стройностью и строгою послѣдовательностью; нельзя не указать и изящной простоты и точности изложенія.

Вторую главу, которая носитъ названіе «Политическія темы древнерусской письменности», авторъ начинаетъ объясненіемъ что роль духовенства и книжниковъ въ періодъ времени до возвышенія Москвы нельзя ограничивать только дѣятельностью представителей церкви въ качествѣ миротворцевъ и посредниковъ между князьями, какъ думаютъ многіе. Авторъ доказываетъ, что духовенство и книжники помимо непосредственнаго вмѣшательства въ княжескія междоусобія давали и практическіе совѣты для устраненія зла. Эти совѣты были заимствованы изъ практической, жизни, они указываютъ на существовавшее правовое міросозерцаніе. Начало старѣйшинства было вполнѣ естественнымъ регуляторомъ отношеній между князьями; въ защиту его выступали наши книжники, для которыхъ благодарною темой въ этомъ смыслѣ послужила смерть Бориса и Глѣба. Слагатель сказанія о святыхъ страстотерпцахъ, Іаковъ Мнихъ, и авторъ чтенія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отмѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ. Несторъ указаніемъ на святыхъ братьевъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру; этою же цѣлью руководствовался и неизвѣстный авторъ «слова о князьяхъ».

Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было еще дру-

гое начало, находившееся въ близкомъ соотвѣтствіи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распредѣленія волостей, это — соблюденіе «чюжего предѣла», явившееся какъ-бы корективомъ къ началу старѣйшинства. Лѣтописецъ и Ѳеодосій Печерскій возмущены изгнаніемъ Изяслава изъ Кіева Святославомъ. По этому поводу г. Дьяконовъ говоритъ, что житіе Ѳеодосія не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ закона, противъ котораго возстаетъ Ѳеодосій: нарушеніе ли старѣйшинства или же неприкосновенности чужаго предѣла. Я думаю, что этотъ вопросъ рѣшается словами житія, которое говоритъ, что Ѳеодосій обличалъ Святослава за его несправедливый поступокъ «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавша». Изъ этихъ словъ очевидно, что вина Святослава была въ нарушеніи законнаго права старѣйшинства. Но далѣе авторъ справедливо замѣчаетъ, что оба указанныя начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а признавались совмѣстными.

Политическая проповѣдь духовенства не остановилась на этихъ началахъ, вслѣдъ за введеніемъ христіанства началась пропаганда на Руси христіанской идеи о богоустановленности власти. Авторъ замѣчаетъ, что эту идею трудно было примирить съ порядками дѣйствительной жизни, въ которой господствовала путаница началъ относительно преемства столовъ. Авторъ говоритъ, что начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей, начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, «ряда». Я долженъ остановиться на словахъ автора: «начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей». Я не считаю возможнымъ говорить о правѣ добыванія волостей, какъ-бы конкурирующимъ съ правомъ старшинства; добываніе волостей съ нарушеніемъ права старшинства было не правомъ, а только фактомъ, насиліемъ, нарушеніемъ права. По моему мнѣнію, вполнѣ правильно и опредѣлительно объясняетъ поднятый вопросъ г. Владимірскій-Будановъ: «Кромѣ наслѣдства и избранія нѣтъ другихъ правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія княжеской власти. Добываніе стола и договоръ между князьями не могутъ быть признаны таковыми. Добываніе (узурпація силою) нуждается въ оправданіи или правомъ наслѣдства или правомъ избранія. Договоры между князьями утверждаютъ лишь одинъ изъ вышеуказанныхъ титуловъ преемства. Если князья договариваются между собою о захватѣ волости третьяго князя безъ всякихъ осно-

ваній, то такой договоръ есть лишь одно изъ средствъ незаконной узурпаціи (добыванія)» [1]).

Проповѣдь о божественномъ поставленіи властей сопровождалась другою о почитаніи властей, идея о богоуставленности власти усиливалась еще идеей объ ея обоготвореніи. Между примѣрами пропаганды послѣдней идеи авторъ приводитъ изъ одного поученія слова апостола Павла: «князи и вся судья земскія слуги божія суть». Но эти апостольскія слова не указываютъ на обоготвореніе власти. Справедливо авторъ замѣчаетъ, что мнѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для Руси начала XIII вѣка является слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ, но, не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду.

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды этого вывода. Второй выводъ, что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Это ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля. Наши книжники приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна», на оборотъ, неправедныхъ князей Богъ даетъ за грѣхи. Такимъ образомъ достоинства поставленнаго князя обусловливались нравстенными достоинствами земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи этой идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправною точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ; сюда относятся вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, которые были у насъ извѣстны въ нѣсколькихъ переводахъ.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особенной отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ; духовенство обращалось къ князьямъ съ назиданіями объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Наши книжники указывали возможность и отвѣтственности князей въ этой жизни, на землѣ. Книжники учили: «Аще бо князи правьдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенья земли, аще ли зли и лукави бываютъ,

---

[1]) «Обзоръ исторіи русскаго права» 1888 г., стр. 39.

то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли».

Въ связи съ этимъ ученіемъ книжника стоитъ народная пословица: «Народъ согрѣшитъ, царь умолитъ, а царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ» [1]).

Приводя эту пословицу и какъ-бы указывая этимъ на устную словесность, памятники которой являются историческими источниками, я долженъ объяснить, что обозрѣніе памятниковъ народной устной словесности не входитъ въ кругъ задачъ г. Дьяконова, который опредѣленно ставитъ своею задачей: сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древней русской письменности до половины XV вѣка. Да и самое тщательное изученіе памятниковъ народной устной словесности не представило бы значительнаго матеріала для изученія поднимаемыхъ г. Дьяконовымъ вопросовъ, особенно въ виду того, что народныя воззрѣнія и идеалы этихъ памятниковъ трудно пріурочиваются къ опредѣленнымъ эпохамъ, такъ какъ въ теченіе долгой жизни даннаго памятника народной словесности къ нему постепенно прибавляются новыя черты, которыя затемняютъ и измѣняютъ первоначальный смыслъ памятника.

О личномъ наказаніи неправедному князю книжники не говорятъ, они предпочитаютъ останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей, на которыхъ Богъ милость свою показуетъ. Бѣдствія же родной земли тѣ-же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей.

Г. Дьяконовъ постоянно сопоставляетъ идеи книжниковъ съ фактами дѣйствительной жизни, но не дѣлаетъ этого по отношенію къ вопросу объ отвѣтственности князей, между тѣмъ практика разбираемаго времени представляетъ много примѣровъ отвѣтственности князей передъ народомъ, которому принадлежало право не только избранія князей, но и изгнанія ихъ. Такъ было не въ одномъ Новгородѣ, но и въ другихъ русскихъ земляхъ; новгородская же лѣтопись представляетъ подъ 1136 г. цѣлый рядъ обвиненій, предъявленныхъ противъ князя Всеволода, котораго новгородцы задумали изгнать и лишили свободы, посадивши его съ женою, съ дѣтьми и съ тещею въ епископскій дворъ, до прихода но-

---

[1]) «Русскіе въ своихъ пословицахъ» И. Снегирева. 1832 г., кн. II 56; «Пословицы русскаго народа». Сборникъ Даля въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1861, кн. II, 246.

Всесоюзная библиотека имени

ваго князя. Всеволода новгородцы обвиняли въ томъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, хотѣлъ княжить въ Переяславлѣ, оставилъ предводительствуемый имъ полкъ прежде всѣхъ [1]).

Въ заключеніи второй главы авторъ останавливается на призваніи князей быть блюстителями чистоты правовѣрія; къ этому представители нашего духовенства призывали русскихъ князей, по примѣру Византійскихъ императоровъ, которые были такими блюстителями. Среди русскихъ князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи, но такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами, то проповѣдь о княжеской обязанности блюсти чистоту православія не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Резюмируя изложеніе второй главы своего изслѣдованія, авторъ говоритъ, что въ своей политической пропагандѣ духовенство раскрывало преимущественно истины евангельскаго и апостольскаго ученія, но заимствовало изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Многія изъ политическихъ темъ сначала находили на Руси еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но постоянно повторяемыя, онѣ безспорно подготовляли умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ. Благодаря этому, проведеніе новыхъ теорій въ русскую жизнь со второй половины XV вѣка значительно облегчается.

Вторая глава разбираемаго изслѣдованія отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая; къ этому должно прибавить объ отношеніяхъ автора во второй главѣ къ двумъ первоначальнымъ источникамъ.

Важнѣйшимъ источникомъ для второй главы представляются русскія лѣтописи, подробное изученіе которыхъ авторъ доказываетъ сопоставленіемъ лѣтописныхъ указаній объ одномъ и томъ же фактѣ изъ разныхъ лѣтописей. Затѣмъ первоначальными источниками для этой главы были и нѣкоторыя неизданныя въ свѣтъ рукописи. Обращеніе автора къ этимъ источникамъ указываетъ, что онъ, посвящая себя вновь изученію тѣхъ же вопросовъ, которыми прежде него занимались многіе ученые, захотѣлъ идти далѣе ихъ, озаботился отысканіемъ новыхъ средствъ къ объясненію давно подня-

---

[1]) Новг. лѣтопись по синод. списку изд. 1881 г., стр. 128, 129. Вопросъ о послѣдствіяхъ розни между князьями и вѣчемъ подробнѣе другихъ нашихъ историковъ разбираетъ г. Сергѣевичъ. См. «Лекціи по исторіи Русск. права». Изд. 1890 г., стр. 174—178.

тыхъ вопросовъ и не побоялся необходимаго для этого труда. Изученіе новыхъ источниковъ не осталось дѣломъ безплоднымъ, а дало автору возможность внести полезный вкладъ въ русскую историческую науку.

Третья глава посвящается разбору политическихъ слѣдствій для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

Самымъ ревностнымъ защитникомъ изначальной старины противъ ереси Исидора, по свидѣтельству современниковъ, начиная съ митрополита Іоны, былъ вел. кн. Василій Васильевичъ. Онъ явился въ новой роли блюстителя православія, которое возсіяло въ его державѣ особеннымъ блескомъ. Присоединеніе императора Константина Палеолога къ уніи, а затѣмъ паденіе Константинополя, дало дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя. Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра, а благочестіе грековъ послѣ Флорентійской уніи подвергалъ сомнѣнію самъ митрополитъ московскій; оно оказывается ниже высокаго православія русскаго. Между тѣмъ, по словамъ митрополита Іоны, престолъ московскаго княженія сталъ «православнымъ великимъ самодержствомъ», а вел. кн. Василій Васильевичъ — «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ, великимъ государемъ, царемъ русскимъ». Но царскій титулъ пока еще не становится общеупотребительнымъ, и, по мнѣнію нашихъ публицистовъ, великій князь только по великому смиренію не зовется царемъ. Паденіе Византійской имперіи объяснялось какъ послѣдствіе отступленія отъ православной вѣры. Эту мысль первый высказалъ митрополитъ Іона. Эти двѣ идеи о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха послужили исходными пунктами для построенія теоріи о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Въ Византіи рано возникли и были распространены разныя мистическія предсказанія о судьбѣ Константинополя, наши книжники заимствовали нѣкоторыя изъ этихъ предсказаній и передѣлывали ихъ, согласуясь со вкусомъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что родъ русыхъ (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Исмаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ родъ русыхъ у нашихъ публицистовъ превратился въ родъ русскій. Авторы повѣстей о паденіи Царьграда указываютъ, что за погибелью православныхъ царствъ Русь остается единственною представительницею православнаго міра, и предвѣщаютъ, что Руси предстоитъ

избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ. Дальнѣйшему развитію этихъ положеній препятствовали два обстоятельства: тяготѣвшее надъ Русью татарское иго и господствовавшее въ то время убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра.

Слѣдствіемъ брака вел. кн. Іоанна Васильевича съ племянницей послѣдняго греческаго царя были измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія; по настоянію царицы великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе татарскаго ига.

Позорное иго было наконецъ свергнуто, не оправдались и ожиданія кончины міра въ 1492 г., по истеченіи 7000 лѣтъ существованія міра. Митрополитъ Зосима во вновь составленной пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ высказываетъ мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы Византійской имперіи, а старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филофей въ своихъ посланіяхъ указываетъ на московскую церковь Успенія Богородицы, какъ на представительницу престола вселенской церкви; московскаго государя онъ признаетъ царемъ христіанъ во всей поднебесной; онъ говоритъ: «два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Эта теорія въ послѣдующее время получила государственное значеніе. Русская публицистическая литература озаботилась оправдать эту теорію, явился цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религіозно-политическое значеніе Руси. «Всѣ эти попытки», говоритъ авторъ, «были столь же фиктивными и отличались такимъ же мистицизмомъ, какъ и самая теорія о Москвѣ — третьемъ Римѣ. Но по выводамъ, какіе были изъ нихъ дѣлаемы политическою практикою того времени, эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полнаго вниманія и для исторіи русскаго государственнаго права».

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственнно отъ апостоловъ. Той-же цѣли—возвысить церковный авторитетъ Руси—служила и «Повѣсть о бѣломъ клобукѣ», которая объясняетъ, какъ эмблема высшей церковной власти — бѣлый клобукъ — передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. На Русь мало-по-малу начинаетъ перетягиваться и

святыня православнаго міра: новгородское «Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы» повѣствуетъ, что эта икона прибыла изъ Константинополя, предваривши побѣду поганыхъ и просвящая россійское царство; таково-же сказаніе о Спасовой иконѣ, писанной царемъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ. Наконецъ цѣлый рядъ угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ богоизбраніе Руси.

Къ этимъ прекрасно составленнымъ г. Дьяконовымъ очеркамъ, объясняющимъ теоретическое значеніе обогащенія Руси святынями, я прибавлю объясненіе того пути, которымъ многія святыни, бывшія драгоцѣннымъ достояніемъ разныхъ русскихъ городовъ, сосредоточились въ Москвѣ. Это совершилось по волѣ московскихъ государей, которые, обирая шапки у удѣльныхъ князей, обогащались не только лучшими людьми и деньгами, но и предметами, особенно драгоцѣнными въ церковно-религіозномъ отношеніи; при этомъ московскіе князья дѣйствовали вопреки интересамъ другихъ русскихъ земель, которыя были безсильны отстоять свои права на свое драгоцѣнное достояніе. Вспомнимъ, напримѣръ, исторію перенесенія Владимірской иконы въ Москву. Это перенесеніе было рѣшено на совѣтѣ вел. кн. Василія Дмитріевича съ своими братьями и съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ виду приближенія къ Москвѣ Тамерлана, когда единственною надеждою на спасеніе представлялось заступничество Богородицы. Лѣтописное сказаніе о перенесеніи иконы передаетъ, что икону проводилъ изъ Владиміра весь народъ со слезами, «не могуще отлучитися таковаго утѣшенія и заступленія и скорые помощи и надежи» [1]).

Параллельно тому, какъ создавался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, подготовлялась почва и для ея политическаго представительства. Тѣсная связь одного съ другимъ выражалась уже въ тенденціозной обработкѣ преданія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, который будто-бы на кіевскихъ горахъ поставилъ крестъ, а потомъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Новгородъ, водрузилъ свой жезлъ. Степенная книга комментируетъ, что апостолъ Андрей «прообразоваше божественнымъ крестомъ въ рустѣй земли священное чиноначаліе; жезломъ же прообразп въ Руси самодержавное царское скифетроправленіе». Повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ разсказываетъ о присылкѣ изъ Греціи въ Русь царственныхъ рега-

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 66.

лій. Не смотря на анахронизмы и прямыя несообразности, это сказаніе получило офиціальный характеръ: на него ссылались въ офиціальныхъ документахъ. Московскіе книжники дополняли это сказаніе разными генеалогическими справками.

О принятіи великимъ княземъ Іоанномъ III византійскаго герба авторъ не говоритъ, очевидно, на томъ основаніи, что этотъ фактъ не былъ темою для теорій нашихъ духовныхъ публицистовъ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ авторомъ свидѣтельствамъ письменныхъ памятниковъ о наслѣдованіи Москвою царственнаго значенія отъ Византіи, я укажу, что народное сознаніе объ этомъ выразилось и въ пѣснѣ, которая заставляетъ царя Іоанна Васильевича сказать про себя:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ [1]).

Но другая пѣсня обосновываетъ начало Московскаго царства покореніемъ Казанскаго царства, говоритъ, что великій князь московскій ослѣпилъ казанскаго царя Симеона:

Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство [2]).

И само московское правительство между основаніями принятія московскимъ государемъ царскаго титула указываетъ на завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго; объ этомъ говоритъ г. Дьяконовъ въ пятой главѣ своего изслѣдованія.

Гордое національное чувство ревностныхъ патріотовъ не удовольствовалось фикціей перенесенія славы греческаго царства на россійскаго царя; придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи не случайно явились обладателями новаго царства — Третьяго Рима — и не по милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія отъ царской крови. Въ Степенной книгѣ говорится о происхожденіи Рюрика отъ Пруса,

---

[1]) Пѣсни, собр. Рыбниковымъ. I, 383.

[2]) Древн. Росс. Стихотв., собр. Киршею Данилов., 3 изд., 1878 г., стр. 196.

брата императора Августа. Г. Дьяконовъ говоритъ, что источники этой легенды предстоитъ еще объяснить. И эта легенда проникла въ офиціальныя сферы, занесена въ государевъ родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка.

«Такъ», говоритъ авторъ, «была основана теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построенія, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени».

Далѣе авторъ разсматриваетъ отношенія къ Москвѣ западно-католическаго и восточно-православнаго міра, которыя могли вліять на созданіе нашими публицистами ихъ фикцій.

Римская курія желала объединить всю Европу подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. Отсюда стремленіе папъ добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы, за унію папы обѣщали московскому государю королевскій титулъ и пріобрѣтеніе Константинополя; но московское правительство оставляло безъ отвѣта предложенія папской куріи, или отзывалось на нихъ въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Въ виду этого авторъ сомнѣвается въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теоріи о русскомъ царствѣ. Исходный моментъ этой теоріи — охрана православія — былъ прямо противоположенъ основнымъ стремленіямъ западно-католической политики.

Послѣ паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правительствомъ со стороны патріарховъ, митрополитовъ и монастырей о денежныхъ вспомоществованіяхъ и о заступничествѣ за православіе передъ турецкимъ султаномъ и даже объ освобожденіи отъ ига невѣрныхъ. Въ просительныхъ посланіяхъ прилагаются къ московскимъ государямъ титулы византійскихъ императоровъ и воздаются московскимъ государямъ формальныя почести, принадлежавшія императорамъ. Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Іоаннъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ и получилъ на это подтвердительную соборную грамоту, а патріархъ назвалъ государя «царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана». Восточное духовенство, отмѣтивъ духовное преемство русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, указало московской политикѣ и вытекающія отсюда

практическія задачи: обязаность православнаго царя избавить угнетенныхъ христіанъ отъ агарянскаго плѣненія. Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній авторъ указываетъ и на то, что нѣкоторые мелкіе владѣтельные князья, бывшіе прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ византійской имперіи, искали покровительства у московскаго государя, къ которому выражали желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи.

Подтвержденіемъ сказаннаго по отношенію къ второй главѣ о достоинствахъ изслѣдованія г. Дьяконова въ третьей главѣ представляется обозрѣніе разныхъ редакцій многихъ памятниковъ древне-русской письменности.

Четвертая глава посвящена теоріи власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, вырабатывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ началомъ для обѣихъ теорій была охрана правовѣрія. Ересь жидовствующихъ представила поводъ оправдать политическое значеніе государственной власти принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси. Такъ поняли обязанности государя новгородскій архіепископъ Геннадій и волоцкій игуменъ Іосифъ. Оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Іосифъ по этому поводу высказываетъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Г. Дьяконовъ указываетъ, что Іосифъ говоритъ о верховной власти различно, смотря по обстоятельствамъ. Первоначально обстоятельства не благопріятствовали пропагандѣ идей Іосифа объ еретикахъ: вел. кн. Іоаннъ III и современные Іосифу митрополиты не относились съ такою ревностью къ преслѣдованію еретиковъ, но соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ примирили Іосифа съ Іоанномъ III, а въ его наслѣдникѣ Іосифъ встрѣтилъ себѣ дѣятельную поддержку. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., Іосифъ, доказывая необходимость поклоненія и служенія царю, дѣлаетъ оговорку относительно нечестиваго царя, предписываетъ отказывать въ послушаніи такому царю. Такимъ образомъ является революціонное ученіе, по которому поклоненіе и служеніе царю зависѣли отъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ царя. Послѣ измѣнившихся на пользу Іосифа обстоятельствъ, онъ проводитъ другую теорію, по которой цари оказываются не только слугами Божіими, избранными Богомъ, но они сами боги, подобные людямъ только есте-

ствомъ, властію-же уподобляющіеся самому Богу; вмѣстѣ съ этимъ устанавливалось и понятіе о неограниченности власти. Соотвѣтственно своей теоріи Іосифъ разрѣшилъ и вопросы объ оношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ: въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть принадлежитъ государю, Московскій государь — «всея Русскія земли государемъ государь».

Іосифъ стоитъ во главѣ школы и партіи, которую противники Іосифа прозвали его именемъ. Ближайшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Іосифа былъ митрополитъ Даніилъ, отъ котораго до насъ дошло особое слово, посвященное вопросу о значеніи власти; изъ ссылокъ въ немъ на священное писаніе видно, что почитаніе властей основывается не только на страхѣ, но также на чести и совѣсти, но авторъ отдаетъ преимущественное значеніе страху. Къ школѣ Іосифа принадлежалъ анонимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василію» и новгородскій архіепископъ Ѳеодосій, который въ посланіяхъ къ великому князю не разъ возвращается къ темѣ о высотѣ царскаго сана. Самое выдающееся мѣсто въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митрополитъ Макарій. Онъ въ посланіи къ Василію Іоанновичу и Ивану Грозному также не разъ указывалъ на высоту царскаго сана и лежащихъ на немъ обязанностей согласно съ духомъ іосифлянской доктрины. Г. Дьяконовъ предполагаетъ, что Макарію принадлежатъ переработка чина вѣнчанія на царство и составленіе вошедшаго въ чинъ поученія митрополита нововѣнчанному царю, въ которомъ о высотѣ царскаго достоинства говорится словами одного изъ поученій Іосифа; этимъ Макарій придалъ офиціальный характеръ доктринѣ теоретическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣнчанія, а особенно поученіе сохранялись очень долгое время безъ всякихъ измѣненій. Инокъ Зиновій въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ ереси Ѳеодосія Косаго, который всѣ государственныя и церковныя власти считалъ явленіемъ развращеннаго человѣческаго преданія, указывалъ основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія; доказывая авторитетность божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя; царское достояніе, по мнѣнію Зиновія, выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній. Приводимое въ сочиненіяхъ древне-русскихъ публицистовъ апостольское наставленіе учитъ покоряться властямъ не только за страхъ, но и за совѣсть, но іосифляне придавали исключительное значеніе страху наказанія

въ дѣлѣ устроенія государственнаго и церковнаго порядка; тотъ-же смыслъ выводится и изъ слова Зиновія.

Но іосифлянская политическая доктрина, какъ замѣчаетъ г. Дьяконовъ, нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ. Г. Дьяконовъ представилъ и историческій очеркъ этихъ отношеній древней Руси. По мнѣнію автора, исторія этихъ отношеній характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному; главною причиною этого была экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства, этому содѣйствовали и культурныя традиціи Византіи. Установленная новелой Юстиніана раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству «яко же святительская честь», — вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. На эту заповѣдь Юстиніана ссылаются публицисты-книжники, но толковали ее различно: ею оправдывалось вмѣшательство князя въ церковные споры и право государя казнить еретиковъ; она открывала путь и къ вмѣшательству церковнаго авторитета въ государственную жизнь. Такимъ образомъ эта заповѣдь о совмѣстности двухъ началъ могла привести къ преобладанію одного начала надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣйствительной жизни.

Среди духовенства довольно рано замѣчается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Авторъ говоритъ, что это стремленіе проявляется прежде всего относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собою дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи; но ничего подобнаго не замѣчается при вмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла чисто церковныя, напр., о поставленіи на церковно-іерархическія должности.

Нельзя, вмѣстѣ съ авторомъ, судебныя привилегіи духовенства въ древней Руси характеризовать дѣлами совершенно свѣтскими; можно говорить только о чрезмѣрномъ расширеніи церковно-судебной компетенціи. Это расширеніе совершилось путемъ подчиненія церковному суду всѣхъ дѣлъ, имѣвшихъ какую-нибудь связь съ установленіемъ брачнаго союза, какъ церковнаго учрежденія, освященнаго таинствомъ. Кромѣ дѣлъ, относившихся къ установленію и разторженію брака, которыя по существу своему подлежали церковному суду, послѣднему были подчинены и всѣ гражданскія и

уголовныя дѣла, имѣвшія отношеніе къ брачному союзу: преступленія противъ установленныхъ закономъ отношеній между супругами, родителями и дѣтьми, въ связи съ семейнымъ союзомъ и дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ. Далѣе расширеніе церковнаго суда совершилось подчиненіемъ ему чиновъ клира, не только по нарушеніямъ ими церковной дисциплины, но и по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; наконецъ къ лицамъ церковнаго вѣдомства, подлежавшимъ по всѣмъ дѣламъ церковному суду, причислялись и всѣ многочисленные разряды лицъ, которыя были подъ покровительствомъ церкви, получали отъ нея содержаніе или жили на церковной землѣ. И финансовыя привилегіи духовенства нельзя назвать дѣлами совершенно свѣтскими, такъ какъ для исполненія церковью ея прямыхъ задачъ необходимо требуются извѣстныя имущественныя средства; общественное значеніе матеріальныхъ средствъ церкви выражалось въ слѣдующемъ каноническомъ положеніи: «церковное богатство — достояніе нищихъ» [1]).

Въ доказательство возвышенія свѣтскаго авторитета надъ духовнымъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что вопреки каноническому праву князья присвоили себѣ право не только избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры, но и удалять епископовъ; князья пріобрѣли вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Въ дополненіе къ сказанному г. Дьяконовымъ, который поставилъ своею задачею представить развитіе только княжеской власти, прибавлю, что въ дѣйствительной жизни княжеское право дѣйствовало и въ данномъ отношеніи совмѣстно съ правомъ народа: сознаніе о такомъ совмѣстномъ правѣ выражено и древними лѣтописцами. Авторъ одной лѣтописи говоритъ подъ 1185 г.: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь въсхочетъ и людье» [2]); другой лѣтописецъ сообщаетъ, что, когда изъ Кіева былъ присланъ епископомъ въ Ростовъ Никола Гречинъ, суздальскій князь послалъ сказать въ Кіевъ великому князю и митрополиту: «не избраша сего людье землѣ нашѣѣ» [3]) Участіе новгородцевъ въ избраніи своихъ духовныхъ владыкъ хорошо извѣстно.

Когда русская церковь получила автокефальность, а государь всея Руси сталъ «царемъ православью», преобладаніе государствен-

---

[1]) Ст. А. С. Павлова «Земское направленіе русск. духовн. письменности въ XVI в.» въ Правосл. Собесѣдн. 1863, іюль стр. 369.

[2]) Лавр., изд. 1872 г., стр. 371.

[3]) Ипатская, изд. 1871 г., стр. 425.

наго авторитета надъ церковнымъ было вполнѣ упрочено: митрополитъ становится въ подчиненное отношеніе къ государю всея Руси. Выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависитъ отъ государя, московскіе государи иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства, епископы ставились «и по повелѣнью государя», государь явился и высшею инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаѣ пререканій съ митрополитомъ или съ епископомъ дѣло представлялось государю, который давалъ дальнѣйшее направленіе дѣлу. Іосифъ Волоцкій объясняетъ, что государю Богъ передалъ судъ и милость, «церковное и монастырское», а неизвѣстный авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его даже истиннымъ «наставникомъ» православной вѣры. На этомъ титулѣ московскаго государя справедливо останавливаетъ свое вниманіе проф. Сергѣевичъ, указывая, что государь разсматривается даже какъ истый наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви [1]).

Далѣе г. Дьяконовъ обращается къ обратной сторонѣ разбираемаго вопроса, указываетъ на стремленіе духовенства поставить духовную власть выше свѣтской. Древнерусской письменности еще до XV вѣка не были чужды попытки поставить авторитетъ церкви выше государства. Митрополиты учили, что великій князь и всѣ люди должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благоповиновеніе и послушаніе, такъ какъ честь, воздаваемая святителю, переходитъ на самого Бога, «его же есть намѣстникъ святитель». Митрополитъ Петръ поучалъ, что іерей, совершая святую литургію, честнѣе царя.

Наряду съ этимъ въ древнерусскую литературу проникали и идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за вѣру предъ властями, послѣдняя обязанность получила даже офиціальное значеніе, будучи внесена въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ. Но домосковская Русь бѣдна примѣрами противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства; наоборотъ существуютъ указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и послабленіяхъ княжеской власти.

Первое энергическое противодѣйствіе духовенства московскому правительству совершилось по поводу вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ. Въ тоже время появляется и нѣсколько

---

[1]) «Лекціи по ист. русск. права», изд. 1890 г., стр. 246.

анонимныхъ статей, написанныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти. Авторъ одного слова, направленнаго противъ отымающихъ отъ церквей, пользуясь латинскими источниками, развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго, принадлежавшихъ пастырямъ церкви; мірскую власть, исходящую отъ власти божественной, какъ и власть духовная, авторъ ставитъ ниже послѣдней, отсюда выводится, что духовная власть не должна уступать свѣтской даже до пролитія крови. Эта католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ сказанія о бѣломъ клобукѣ и о вѣнѣ Константина; она оказываетъ вліяніе даже на такихъ писателей, которые, казалось-бы, всего менѣе могли ей подчиниться, напр. на митрополита Макарія. Максимъ грекъ вопреки русской дѣйствительности указываетъ, что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ».... Убо больши есть священство царства земскаго». Католическая догма о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью, перенесенная на Русь іосифлянами, примирялась съ теоріей теократическаго абсолютизма тѣхъ же іосифлянъ. Послѣдняя теорія признавалась подъ условіемъ исполненія правительствомъ требованій поборниковъ православія; іосифляне постоянно проводили мысль, что государи должны слушать представителей духовенства.

Очеркъ исторіи отношеній между авторитетами свѣтскимъ и духовнымъ и вмѣстѣ съ этимъ четвертую главу своего изслѣдованія авторъ оканчиваетъ заявленіемъ, что въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало іосифлянскимъ идеаламъ и что этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

Я не признаю возможнымъ согласиться съ этимъ заявленіемъ г. Дьяконова. XVI вѣкъ представляетъ много явленій, которыя далеко не соотвѣтствуютъ идеаламъ іосифлянъ. Вторая половина царствованія Ивана Грознаго вполнѣ отличается въ этомъ отношеніи отъ первой. Въ 1551 г. царь предложилъ церковному собору на разсмотрѣніе и утвержденіе Судебникъ и уставныя грамоты; сверхъ того царь призывалъ духовенство и къ обсужденію цѣлаго ряда задуманныхъ новыхъ мѣръ для государственнаго устройства, какъ это свидѣтельствуетъ напечатанная г. Ждановымъ статья изъ такъ называемой Волоколамской рукописи [1]); на этомъ соборѣ царь говорилъ

[1]) «Матеріалы для ист. стогл. собора» И. Жданова въ Ж. М. Н. Просв. 1876, часть 186.

духовенству: «аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ вашему согласію, вы о семъ не умолкните; аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякаго страха» [1]). А въ 1564 г. въ посланіи своемъ къ Курбскому царь приводитъ свидѣтельства изъ священной ветхо-завѣтной исторіи о пагубныхъ послѣдствіяхъ управленія государствомъ духовными лицами [2]) Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Васильевича представители духовенства были поставлены въ невозможность протестовать даже противъ прямыхъ нарушеній самимъ царемъ каноническихъ постановленій о бракѣ, когда царь, послѣ четвертаго брака, разрѣшеннаго ему съ наложеніемъ эпитеміи, женился еще три раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти. Въ царствованіе Ивана Грознаго послѣдовали законодательныя мѣры, направленныя противъ увеличенія церковныхъ имуществъ, защищать которыя отъ секуляризаціи составляло важнѣйшую задачу іосифлянъ. Въ 1573 г., по государеву приказу, освященный соборъ и бояре приговорили впредь не давать вотчинъ въ богатые монастыри [3]), а въ 1580 г. митрополитъ уложилъ съ царемъ, съ царевичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ: впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ монастырямъ не давать; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать; вотчины, находившіяся въ закладѣ за архіереями и монастырями, и вотчины, данныя и купленныя изъ княженецкихъ, взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ [4]). Очевидно, что эти постановленія появились по волѣ царя, противъ котораго духовенство не могло возражать въ то время, когда церковный авторитетъ былъ совершенно подавленъ царскимъ самовластіемъ. Полное безсиліе представителей духовенства предъ царскою властью доказывается и судьбою права печалованія въ XVI вѣкѣ. На правѣ печалованія, принадлежавшемъ духовенству, г. Дьяконовъ не останавливается, а между тѣмъ исторія этого права въ XVI вѣкѣ ярко освѣщаетъ отношенія церковнаго авторитета къ свѣтскому. За свои печалованія пострадали митрополитъ Варлаамъ при вел. кн. Василіи Ивановичѣ и митроп. Филиппъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; преемникомъ Варлаама былъ Даніилъ, про котораго говорилъ Иванъ Берсень Максиму

---

[1]) Стоглавъ, изд. Казанск. духовн. акад., стр. 42.

[2]) Сказанія, кн. Курбскаго. 3 изд., 1868 г., 150.

[3]) А. Ист. I, № 154, XIX.

[4]) С. Г. Грамотъ и Дог. I, № 200.

Греку: «а не печалуется ни о комъ, прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьахъ и печаловались государю о всѣхъ людехъ» [1]). Курбскій говорилъ о современныхъ ему святителяхъ: «вмѣсто заступленія, нѣкои отъ нихъ потаковники и кровемъ нашимъ наострители явишася» [2]). Сказаннаго довольно въ доказательство невозможности согласиться съ положеніемъ г. Дьяконова, что въ XVI вѣкѣ общее направленіе государственной политики устраняло возможность столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитета.

Пятая глава носитъ названіе «Политическіе взгляды московскаго правительства». Авторъ начинаетъ эту главу указаніемъ на стремленіе великихъ князей московскихъ къ примысламъ. Съ увеличеніемъ владѣній великаго князя соединялось понятіе о повышеніи имени, чести его. Между тѣмъ вмѣстѣ съ новымъ представленіемъ о Русскомъ православномъ царствѣ измѣнилось воззрѣніе и на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно духовные писатели, царемъ и самодержцемъ, такъ же называетъ его офиціально митрополитъ, самъ Иванъ III въ сношеніяхъ съ мелкими государствами называетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси». Честь имени Василія III возвышалась родствомъ по матери съ византійскими императорами. Василій III гораздо чаще сравнительно съ Иваномъ III пользовался царскимъ титуломъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и употреблялъ этотъ титулъ въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ. Иванъ IV торжественно вѣнчался на царство. Этотъ царь былъ горячимъ поборникомъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи властямъ; существенною своею обязанностью онъ считалъ охрану православія; почти дословно онъ повторялъ мнѣніе іосифлянъ о высотѣ царскаго достоинства; онъ воспринялъ и ученіе о великой отвѣтственности представителя власти предъ Богомъ за собственныя прегрѣшенія и за грѣхи своихъ подданныхъ.

Сознаніе царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, что за его грѣхи посланы свыше бѣдствія на Русскую землю, выражается въ молитвѣ царя предъ взятіемъ Казани, находящейся въ хронографѣ начала XVII вѣка и появившейся въ печати во время составленія мною разбора настоящаго изслѣдованія [3]). Въ этой молитвѣ

---

[1]) А. Э. А. I, № 172.

[2]) «Сказанія кн. Курбскаго», 3 изд., 1868 г., 254.

[3]) Чтенія въ Общ. любит. духовн. просв. 1890 г., Ноябрь—Декабрь.

царь говоритъ предъ Господомъ: «Мене жъ еси яко добра пастыря избралъ стаду своему; — и азъ согрѣшихъ: мене погуби прежде, а не овцы моя! Да за чтожъ погибаютъ? токмо грѣховъ моихъ ради».

Далѣе авторъ указываетъ на энергическія старанія московскаго правительства о признаніи за московскимъ государемъ царскаго титула со стороны всѣхъ другихъ государствъ. Особенно важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія. Московское правительство указывало польско-литовскому правительству на слѣдующія основанія принятія московскимъ государемъ царскаго титула: вѣнчаніе на царство Владиміра Св., легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ, завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, происхожденіе русскихъ государей отъ императора Августа. Но польско-литовское правительство не признавало серьезнаго значенія этихъ основаній.

Московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся къ повышенію своей чести сравнительно съ другими государями и особенно боятся унизить себя. Для сравнительной оцѣнки чести представителей власти принимались въ основаніе давность царственной династіи и высота власти государя. Иванъ III былъ горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и выразилъ это новгородцамъ, а на предложеніе цесарскаго посла выхлопотать у царя королевскій титулъ для московскаго великаго князя послѣдній отвѣчалъ: «Мы Божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, а поставленія ни отъ кого не хотимъ». Политическое честолюбіе московскихъ государей до крайности изощряло братство ихъ съ византійскими царями, поэтому московскіе государи отклонялись отъ названія братьями другихъ государей. При Иванѣ Грозномъ возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ. Это было, какъ говоритъ авторъ, своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ, съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ; приводятъ «случаи», по которымъ московскому царю усвояется лучшая честь. Во всѣхъ счетахъ съ

Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенціозность московскаго царя, который не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія. Московскіе государи относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прироженцевъ».

Кромѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами, государствами: по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался важнѣе государства; государь своею родословною честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно. Личная честь государя зависѣла и отъ государственнаго устройства. Московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью; при этомъ признавалось, что только государь наслѣдственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ; затѣмъ вотчинный государь признавался крѣпче посаженнаго, который будто бы не могъ обладать и достаточными полномочіями для добраго устроенія своей земли. Выводомъ изъ всего царскаго мѣстничества было признаніе, что московскій царь по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще-же московскому государю по Божію изволенью никакое государство высоко не бывало.

Въ заключеніе пятой главы авторъ указываетъ, что реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонировало съ субъективнымъ представленіемъ офиціальныхъ сферъ царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда при заключеніи перемирія съ Баторіемъ, Грозный для «покоя крестьянскаго» не велѣлъ писать себя царемъ. Излюбленныя фикціи приносились въ жертву соображеніямъ выгоды. Иванъ Грозный, называвшій себя самодержцемъ по Божію изволенію, а не по хотѣнію многомятежнаго человѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую корону по избранію великаго множества народа. Особенно нетерпимый къ ограниченнымъ формамъ правленія Иванъ Грозный обѣщалъ литовской радѣ, въ случаѣ избранія его государемъ въ Литву, не уничтожать вольностей пановъ рады, всего рыцарства и всей земли литовской, но прибавить радѣ всякихъ чиновъ и чести.

Настоящее изложеніе содержанія пятой главы показываетъ, что

она представляетъ преимущественно исторію титула московскихъ государей. Особеннымъ достоинствомъ этой главы должно признать самостоятельное и оригинальное изложеніе по первоначальнымъ источникамъ дипломатическихъ счетовъ московскаго царя о своей чести съ другими государями; авторъ къ разбору этихъ счетовъ прилагаетъ правила мѣстничества московскихъ служилыхъ людей. На исторіи титула московскихъ государей во внутреннихъ сношеніяхъ авторъ мало останавливается, между тѣмъ эта исторія представляетъ важныя данныя для характеристики постепеннаго измѣненія существа велико-княжеской власти. Авторъ не указываетъ различія наименованій «господинъ» и «государь» [1]), а это различіе въ древней Руси очень хорошо понималось: новгородцы не хотѣли назвать своего господина, московскаго великаго князя, государемъ; по отношенію къ младшимъ князьямъ великій князь московскій долго не называлъ себя государемъ. Для характеристики власти московскихъ государей должно было бы остановиться и на названіяхъ себя разными лицами, при обращеніи ихъ къ государю. Постепенно, сначала люди незнатные, впослѣдствіи князья и бояре, обращаясь къ московскимъ государямъ, называли себя холопами и личными именами въ уменьшительной формѣ, а позднѣе и въ уничижительной. «Государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, былъ не мыслимъ безъ холопа, такъ какъ и холопъ не былъ бы понятенъ безъ государя» [2]).

Шестая и послѣдняя глава называется «Московскіе государи и ихъ слуги». Эту главу авторъ начинаетъ указаніемъ, что Сѣверо-восточная Русь унаслѣдовала отъ Руси Кіевской форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю, междукняжескіе договоры обезпечивали за боярами и вольными слугами право свободнаго отъѣзда. Но это право, говоритъ авторъ, являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси; оно противорѣчило стремленію князей соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ и затруднить для князей и бояръ пріобрѣтеніе земли въ другомъ удѣлѣ. Современная русская письменность не могла не замѣтить такого несоотвѣтствующаго общимъ условіямъ жизни явленія, какъ свобода отъѣзда. Древне-русскіе книжники обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины

---

[1]) См. объ этомъ, напр., въ началѣ первой главы сочиненія И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ русск. царей», 2 изд. 1872 г.

[2]) Ibid., стр. 7.

къ князю, они указывали на злыхъ совѣтчиковъ, какъ на причину княжескихъ распрей, обличали вѣроломство и клятвопреступленія княжескихъ слугъ. Возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальныхъ и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой идеи о почитаніи властей. Духовно-публицистическая литература коснулась и вопроса о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ, которая противорѣчила обязанности быть покорнымъ своему князю. Въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ отъѣзжающій отъ своего князя уподобляется Іудѣ.

Въ связи съ этой литературой авторъ указываетъ на статью, встрѣчающуюся въ кормчихъ, которая опредѣляетъ казнь тому, кто укоритъ царя или князя: причетникъ за это извергается, а «люжанинъ» отлучается отъ церкви. Важно и любопытно то, какъ объясняетъ авторъ, что церковь облагаетъ чисто церковнымъ наказаніемъ за дѣяніе совершенно свѣтскаго характера—укоръ князю. Это постановленіе должно было оказать вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Но владѣтельные князья не могли открыто стать на сторонѣ этого новаго ученія по соображеніямъ политическимъ; они должны были признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и вольными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны каждому князю, по скольку онѣ содѣйствовали притоку къ князю служилыхъ людей изъ другихъ княжествъ; съ другой стороны для князей было невыгодно терять наличныя служебныя силы. Московское правительство съумѣло воспользоваться выгодами вольной службы и устранить невыгодныя стороны ея: когда право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, оно дѣйствовало путемъ политики, которая соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ. Авторъ приводитъ примѣры этой политической практики, которая показываетъ, что отъѣздъ изъ Москвы считался измѣною, за отъѣздъ наказывали какъ за измѣну. Не отрицая дѣйствительно практиковавшагося московскими великими князьями насилія противъ права отъѣзда, я не могу признать доказательными указываемые авторомъ примѣры этому.

Великій князь Симеонъ конфисковалъ имущество своего боярина Алексѣя Петровича и обязалъ своихъ братьевъ не принимать на службу этого боярина и его дѣтей за то, что онъ «вшелъ къ нему (великому князю) въ коромолу». Авторъ, заявляя, что неизвѣстно въ чемъ состояла эта крамола и, указывая на неопредѣ-

ленность термина «крамола», предполагаетъ: не состояла ли крамола только въ отъѣздѣ отъ великаго князя. Въ доказательство неопредѣленности термина крамола авторъ ссылается на проф. Сергѣевича[1]), который говоритъ, что это слово употреблялось не въ одномъ только смыслѣ мятежа, въ указѣ 1582 г. оно имѣетъ смыслъ ябеды, а крамольникомъ этотъ указъ называетъ того, кто лжетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла уже рѣшенныя и пр. Но въ дѣйствительности этотъ указъ[2]) различаетъ ябеду отъ крамолы, ябедниковъ отъ крамольниковъ; подъ послѣдними, по буквальному смыслу указа, должно разумѣть тѣхъ, кто обвиняетъ кого-нибудь въ крамолѣ и не докажетъ этого; въ такомъ же смыслѣ крамольниковъ, упоминаемыхъ въ этомъ указѣ, разумѣетъ и г. Дмитріевъ[3]), который отличаетъ крамольниковъ отъ ябедниковъ и составщиковъ, смѣшиваемыхъ г. Сергѣевичемъ. Такимъ образомъ крамола имѣетъ значеніе опредѣленнаго государственнаго преступленія — измѣны, мятежа, но путемъ неправды и насилія можно было подвести подъ понятіе о крамолѣ и такое дѣяніе, которое въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ этому преступленію. Въ виду признанія братьями великаго князя какого то дѣянія Алексѣя Петровича противъ великаго князя крамолою[4]), трудно согласиться съ авторомъ, что подъ этимъ дѣяніемъ должно разумѣть только правомѣрный для боярина отъѣздъ его отъ великаго князя.

Затѣмъ авторъ приводитъ случай отъѣзда изъ Москвы въ Тверь Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина, села которыхъ были конфискованы вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ; впослѣдствіи Вельяминовъ и Некоматъ были казнены великимъ княземъ. Авторъ говоритъ, что великій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ право, отнявши у отъѣхавшихъ села. Авторъ старается объяснить, что вина Вельяминова состояла только въ томъ, что онъ отъѣхалъ изъ Москвы, не получивши должности московскаго тысяцкаго, которую занималъ его отецъ. Такой выводъ авторъ дѣлаетъ на томъ основаніи, что лѣтописецъ по поводу казни Вельяминова говоритъ о непокорности властямъ и о

---

[1]) «Опыты изслѣд. обычн. права» въ Наблюдателѣ 1882 г., кн. 2, стр. 226, 227.

[2]) А. Ист. I, № 154, XX.; «Христом. по ист. русск. права» Владимірск. — Буданова, вып. 3, стр. 38 — 40.

[3]) Исторія судебн. инстанцій, стр. 169.

[4]) С. Г. Гр. и Д. I, № 23.

томъ, что «никтоже о себѣ честь пріемлетъ, но званый отъ Бога». Но лѣтописецъ еще прежде говоритъ, что Вельяминовъ и Некоматъ отъѣхали «со многою лжею и льстивыми словесы».

Далѣе авторъ указываетъ, что политикѣ московскаго правительства подражали и мелкія княжескія правительства. За отъѣздъ наказывалъ и Новгородъ. Въ доказательство послѣдняго г. Дьяконовъ приводитъ замѣчаніе лѣтописца, что новгородцы, опасаясь великаго князя, не молвили ни единого слова бывшему у нихъ на службѣ князю Шуйскому, когда онъ объявилъ новгородцамъ о своемъ переходѣ на службу къ великому князю, и ходатайство Ивана III передъ Новгородомъ о безнаказанности новгородцевъ, перешедшихъ въ Москву на службу. Ограничиваясь этими частными случаями, авторъ не указываетъ основнаго различія послѣдствій отъѣзда отъ князей и изъ Новгорода, состоявшаго въ томъ, что отъѣздъ отъ князей не сопровождался отнятіемъ вотчинъ, находившихся во владѣніи оставленнаго князя, а бояре и вольные слуги, отъѣзжавшіе изъ Новгорода, лишались своихъ земель, которыя переходили во владѣніе Великаго Новгорода [1]).

Московское правительство для привлеченія къ себѣ новыхъ служилыхъ силъ прибѣгало не только къ поощрительнымъ мѣрамъ, къ богатымъ наградамъ, но постоянными притѣсненіями бояръ и слугъ сосѣднихъ княженій заставляло притѣсняемыхъ искать себѣ спасенія въ переходѣ на службу въ Москву.

Начиная съ Ивана III предпринимаются особыя мѣры противъ «отказа»: съ заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать изъ Москвы брали записи о неотъѣздѣ. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка возникаетъ и спеціальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы: кто отъѣзжалъ въ удѣлъ, тому не давали счета въ его родѣ съ бывшими съ нимъ въ версту.

Но право свободнаго отъѣзда признавалось договорными грамотами великаго князя съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка; только съ этого времени встрѣчаются попытки ограничить права удѣльныхъ князей относительно пріема отъѣхавшихъ изъ Москвы: братьевъ великаго князя обязали не отзывать людей отъ великаго князя и не принимать отъѣхавшихъ на лихо великаго князя. Въ половинѣ XVI вѣка съ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича взята была крестоцѣловальная запись въ пользу царевича

---

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 28.

Димитрія о непринятіи кого-либо на службу безъ дозволенія царевича.

Но въ половинѣ XVI вѣка уже не было ни одного удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыя силы изъ Москвы; оставалась только Литва, куда могли укрываться всѣ недовольные Москвою. Въ договорахъ между Москвою и Литвою встрѣчается условіе о непринятіи отъѣхавшихъ служебныхъ князей съ вотчинами; о свободномъ переходѣ вольныхъ слугъ упоминается только въ одномъ договорѣ Твери съ Литвою. Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI в. литовское правительство принимаетъ мѣры противъ отъѣзда своихъ служилыхъ людей. Оно издаетъ законъ объ отобраніи на господаря имѣній отъѣхавшихъ и стремится внести въ договоры съ Москвою условія о выдачѣ отъѣздчиковъ или по крайней мѣрѣ о наказаніи ихъ въ Москвѣ, но московское правительство не соглашается на принятіе такихъ условій. Москва, напротивъ, даже вопреки нормамъ договорнаго права, принимаетъ литовскихъ служилыхъ князей съ вотчинами, оправдываясь тѣмъ, что принимаемые были потомками старинныхъ московскихъ слугъ, или что они терпѣли въ Литвѣ притѣсненія въ своемъ православномъ вѣроисповѣданіи. Какъ объясняетъ авторъ, для Москвы было выгодно признать право свободнаго перехода, потому что въ то время было болѣе пріѣзда изъ Литвы, чѣмъ отъѣзда изъ Москвы въ Литву. Этимъ авторъ объясняетъ и слова Ивана III о существовавшемъ будто-бы прежде, при немъ и при его предкахъ, свободномъ переходѣ служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно. Это заявленіе Ивана III литовскому правительству г. Дьяконовъ считаетъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ какъ о такой свободѣ перехода не упоминается въ договорахъ между Москвою и Литвою. По мнѣнію автора, это заявленіе Ивана III послѣдовало только изъ желанія великаго князя распространить на Литву выгодный для Москвы порядокъ свободы перехода. Но для отрицанія существованія этого права перехода недостаточно только отсутствія прямыхъ постановленій объ этомъ правѣ въ московско-литовскихъ договорахъ, такъ какъ умалчиваемое нельзя признавать запрещаемымъ, тѣмъ болѣе, что какъ указываетъ и самъ авторъ, въ московско-литовскихъ договорахъ встрѣчается прямое запрещеніе перехода только служилыхъ князей съ вотчинами, что было распространеніемъ по отношенію къ Литвѣ того правила, которое соблюдалось и при переходѣ служилыхъ князей изъ одного собственно русскаго княженія въ другое; наконецъ

указываемый авторомъ литовско-тверской договоръ, установлявшій свободу перехода всѣхъ служилыхъ людей, приводитъ къ возможности предполагать существованіе такого же порядка и въ отношеніяхъ между Москвою и Литвою. Професоръ Сергѣевичъ въ новомъ своемъ ученомъ трудѣ, появившемся въ свѣтъ послѣ изслѣдованія г. Дьяконова, основываясь на словахъ вел. кн. Литовскаго Казиміра, признаетъ существованіе отъѣзда изъ Литвы въ Москву и обратно, но безъ сохраненія правъ на вотчины [1]).

Когда при Иванѣ Грозномъ увеличился отъѣздъ изъ Москвы въ Литву, взгляды московскаго и литовскаго правительствъ измѣнились. Московское правительство желало выдачи отъѣздчиковъ, но этого уже не желало литовское правительство, которое и не настаивало, какъ прежде, на необходимости казнить отъѣздчиковъ. Кромѣ усиленія общихъ наказаній за отъѣздъ царь Иванъ Васильевичъ усилилъ и спеціальное наказаніе за это, имѣвшее важное значеніе въ мѣстническихъ счетахъ. Каждый отъѣхавшій считался измѣнникомъ, но московское и литовское правительства не только не отказывались принимать обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, но иногда обѣщали возвратившемуся не понижать его чести и даже прибавить къ ней.

На этомъ авторъ останавливается въ разборѣ отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ и переходитъ къ исторіи отношеній московскихъ государей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ. Представленная авторомъ исторія постепенныхъ мѣръ ограниченія права отъѣзда свободныхъ слугъ требуетъ нѣкоторыхъ дополненій, напримѣръ указанія на особыя ограниченія права отъѣзда служилыхъ князей и по примѣру ихъ нѣкоторыхъ бояръ и боярскихъ дѣтей, которымъ запрещалось переходить съ вотчинами. Г. Дьяконовъ ничего не говоритъ и объ отъѣздѣ вольныхъ слугъ отъ князей къ архіереямъ, существовавшемъ до 1551 г., когда на церковномъ соборѣ было уничтожено право свободнаго перехода бояръ отъ царя къ митрополитамъ [2]). Слѣдовало бы указать и на послѣдовавшее послѣ уничтоженія права отъѣзда закрѣпощеніе служилыхъ людей путемъ пожалованія имъ земель подъ условіемъ обязательной службы. Затѣмъ должно замѣтить, что исторію отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ нельзя,

---

[1]) Русск. Юридич. Древности, стр. 317.

[2]) Стоглавъ, изд. Каз. дух. акад. стр. 322, 323; А. И. I, № 155, стр. 279, 280; Каптерева «Свѣтскіе архіер. чиновники въ древн. Руси».

какъ это дѣлаетъ г. Дьяконовъ, ограничивать только правомъ отъѣзда, необходимо было остановиться и на признаваемомъ за собою боярами правѣ совѣта, слѣдовало говорить и о мѣстничествѣ, по скольку оно представляется особенно долго принадлежавшимъ московскимъ служилымъ людямъ правомъ, свидѣтельствующимъ о прежнихъ вполнѣ свободныхъ отношеніяхъ служилыхъ людей къ своимъ князьямъ.

Исторію отношеній московскихъ великихъ князей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ авторъ начинаетъ указаніемъ на то, что московскіе князья унаслѣдовали изъ старины обычай надѣлять удѣлами всѣхъ своихъ сыновей. Хотя московскіе князья рано сознали неудобство этого порядка для цѣлей объединенія, но не были въ силахъ отступить отъ укоренившагося обычая. Съ теченіемъ времени, какъ показываетъ сравненіе древнѣйшихъ междукняжескихъ договоровъ съ позднѣйшими, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось; но даже договоръ между вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ и братомъ его Юріемъ признаетъ за удѣльнымъ княземъ очень широкія права. Таковы были нормы права, но московское правительство съумѣло уничтожить ихъ силу въ дѣйствительной жизни путемъ политики, которая такъ же какъ и политика московскихъ государей по отношенію къ ихъ слугамъ соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ.

Авторъ говоритъ, что примѣненіе этой политики въ между княжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Я не могу согласиться съ этимъ положеніемъ автора, такъ какъ не могу признать неопредѣленности указываемыхъ авторомъ выраженій договоровъ, предполагая, что смыслъ этихъ выраженій хорошо понимался на практикѣ; иначе трудно было бы объяснить необходимость постояннаго повторенія этихъ выраженій, что замѣчается по отношенію ко всѣмъ указываемымъ авторомъ выраженіямъ, исключая одного: «служить безъ ослушанія, по згадцѣ». Затѣмъ кажущаяся неопредѣленность нѣкоторыхъ выраженій легко объясняется сопоставленіемъ ихъ съ другими ясно выраженными нормами договоровъ. Наконецъ должно замѣтить, что признаваемая авторомъ совершенно неопредѣленною обязанность удѣльныхъ князей по отношенію къ великому князю: «добра хотѣти великому князю во всемъ, вездѣ, безъ хитрости», по точному смыслу договоровъ, представляется обязанностью и для великаго князя по отношенію къ удѣльнымъ. Говоря о междукняжескихъ договорахъ не должно забывать, что

въ дополненіе и объясненіе договорныхъ условій служило обычное право, на основаніи котораго издавна установились отношенія младшихъ князей къ старшему.

Г. Дьяконовъ представляетъ рядъ примѣровъ насильственной политики московскихъ государей по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, своимъ ближайшимъ родичамъ. По этимъ примѣрамъ я долженъ дать объясненія, подобныя тѣмъ, какія представлены мною по примѣрамъ, приводимымъ авторомъ въ доказательство насилія московскихъ государей надъ вольными слугами, такъ какъ авторъ преувеличиваетъ значеніе насильственности нѣкоторыхъ мѣръ великихъ князей московскихъ противъ удѣльныхъ князей. Но, возражая противъ этихъ примѣровъ, я не отрицаю насильственной политики московскихъ великихъ князей по отношенію къ удѣльнымъ, такъ какъ эта насильственность хорошо доказывается другими примѣрами.

Авторъ указываетъ какъ на неправое и насильственное дѣло вел. кн. Василія Васильевича на то, что великій князь пошелъ на можайскаго князя Ивана Андреевича послѣ троекратнаго подтвержденія своего договора съ нимъ. Такимъ образомъ великій князь представляется нарушителемъ договора. Но уже лѣтописецъ объясняетъ, что великій князь пошелъ противъ кн. Ивана «за его неисправленіе»; г. Дьяконовъ указываетъ на это лѣтописное свидѣтельство, но не придаетъ ему значенія, такъ какъ оно отличается неопредѣленностью. О неисправленіяхъ князя Ивана говоритъ и митрополитъ Іона въ своемъ посланіи смоленскому епископу Мисаилу, но г. Дьяконовъ выводитъ изъ этого посланія только доказательство тому, что междукняжескіе договоры толковали совсѣмъ не по буквальному смыслу. Такой взглядъ авторъ подтверждаетъ словами митрополита о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому и о пожалованіи московскимъ великимъ княземъ удѣльнаго его же вотчиною, между тѣмъ какъ такое пожалованіе примѣнялось въ дѣйствительности только къ служилымъ князьямъ. Но митрополитъ въ своемъ посланіи вспоминаетъ шкоту можайскаго князя надъ великимъ княземъ и говоритъ, что великій князь, «оставя все свое и не поминая его къ себѣ ничего зла», пожаловалъ его, привелъ къ крестному цѣлованію и пожаловалъ ему вотчину. Эти слова митрополита должно понимать въ томъ смыслѣ, что великій князь не хотѣлъ мстить князю Ивану, простилъ его, не пошелъ на него войною и оставилъ ему его вотчину. Правильность такого пониманія словъ митрополита о пожалованіи вели-

кимъ княземъ удѣльному вотчины представится внѣ всякаго сомнѣнія, если мы обратимся къ договору, заключенному кн. Дмитріемъ Шемякою и тѣмъ же кн. Иваномъ можайскимъ съ младшимъ братомъ послѣдняго Михаиломъ Андреевичемъ и съ кн. Василіемъ Ярославичемъ. Первые два князя цѣловали крестъ остальнымъ двумъ на томъ, чтобы первымъ двумъ бить челомъ великому князю» «а князю великому насъ свою братью молодшую жаловати, въ любовь и докончаніе приняти и пожаловати ему насъ нашими вотчинами» [1]). Нельзя придавать значенія и указанію г. Дьяконова на то, что великій князь, не смотря на троекратное подтвержденіе своего договора съ можайскимъ княземъ, пошелъ на него, безъ всякой новой вины со стороны послѣдняго. Посланіе митрополита указываетъ на новое неисправленіе кн. Ивана, послѣдовавшее послѣ заключенія договоровъ: кн. Иванъ не хотѣлъ помогать великому князю противъ татаръ при двукратномъ нашествіи ихъ на Русскую землю. Это было прямымъ нарушеніемъ со стороны кн. Ивана договоровъ, по которымъ онъ обязывался идти безъ ослушанія, куда пошлетъ его великій князь [2]).

Нельзя согласиться и съ толкованіемъ г. Дьяконова договора между великими князьями московскимъ и тверскимъ, по которому великій князь тверской обязывается не принимать къ себѣ отступившихъ отъ великаго князя московскаго кн. Ивана можайскаго и сына Дмитрія Шемяки Ивана, или который другой братъ ему сгрубитъ. Г. Дьяконовъ говоритъ, что подъ понятіе сгрубить можно подвести всякій непріятный поступокъ, что въ данномъ словѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей, значитъ, великіе князья на отступленіе удѣльныхъ князей отъ союза съ Москвою смотрѣли какъ на отъѣздъ своихъ слугъ. Не соглашаясь съ объясненіями и выводомъ г. Дьяконова, я долженъ указать, что въ силу исторически сложившихся условій, опредѣлявшихъ отношенія между князьями, отступленіе одного князя отъ другаго было нарушеніемъ договора, заключавшагося на вѣки, и обыкновенно сопровождалось переходомъ къ врагамъ прежняго союзника и открытіемъ противъ него враждебныхъ дѣйствій; ни одинъ князь не могъ стоять внѣ опредѣленныхъ отношеній къ другимъ князьямъ, а эти отношенія были или союзныя, на основаніи договоровъ, которые устанавливали опредѣленныя

---

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 67.

[2]) Ibid. № 66 и 69.

взаимныя обязанности, или враждебныя. Особенно исторія враждебныхъ отношеній можайскаго кн. Ивана къ великому князю московскому хорошо объясняетъ, что значило отступленіе отъ существовавшихъ прежде союза и договоровъ.

Свидѣтельству Степенной книги о томъ, что со времени Василія Васильевича упразнилась всякая крамола и младшіе князья пребывали въ послушаніи къ старѣйшимъ, г. Дьяконовъ придаетъ тотъ смыслъ, что съ этого времени суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ. Но въ дѣйствительности въ это время всѣ владѣтельные князья пользовались полною самостоятельностью по управленію своими княжествами, а взаимныя отношенія между всѣми князьями опредѣлялись договорами, какъ это было изстари. Нарушенія же договоровъ, соединяемыя съ насиліями одного князя противъ другого, также бывали изстари со стороны великихъ князей противъ удѣльныхъ и на оборотъ. Въ виду этого желающій ставить полноту суверенитета князей въ зависимость отъ неприкосновенности ихъ для насилій съ чьей-либо стороны долженъ отказаться отъ признанія существованія когда-либо на Руси этого суверенитета. Вышеприведенное свидѣтельство Степенной книги должно понимать въ смыслѣ указанія на временное прекращеніе княжескихъ крамолъ.

Въ разборѣ г. Дьяконовымъ отношеній вел. кн. Ивана III къ удѣльнымъ князьямъ встрѣчаются также объясненія и выводы, не соотвѣтствующіе точному смыслу источниковъ. Въ доказательство насилія Ивана III надъ роднымъ братомъ его Андреемъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что великій князь, послѣ своихъ клятвенныхъ увѣреній удѣльному князю о неимѣніи противъ него враждебныхъ замысловъ, сложилъ крестное цѣлованіе къ нему за то, что удѣльный князь не послалъ своего воеводы противъ татаръ. Но неисполненіе послѣдней обязанности со стороны удѣльнаго князя было прямымъ нарушеніемъ договора и давало великому князю право сложить свое крестное цѣлованіе къ неисполнившему условіе договора. Для характеристики взглядовъ правящихъ классовъ на отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю г. Дьяконовъ приводитъ тотъ фактъ, что когда удѣльный малолѣтній князь Иванъ Борисовичъ заболѣлъ и велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ, бояре удѣльнаго князя Ивана воспротивились ему и возвѣстили объ этомъ державному вел. кн. Ивану III, который согласился на отъѣздъ малолѣтняго князя въ монастырь, но въ виду юности князя не приказалъ по-

стригать его въ монахи. Въ этомъ фактѣ г. Дьяконовъ видитъ какъ-бы подчиненіе боярской думы удѣльнаго князя великому князю. Но этотъ фактъ по точному смыслу договора великаго князя Ивана III съ братомъ его Борисомъ Васильевичемъ, отцомъ малолѣтняго князя Ивана, объясняется иначе. Великій князь обязывался Борису Васильевичу въ случаѣ смерти послѣдняго печаловаться надъ его княгинею и дѣтьми [1]). Слѣдовательно въ указанномъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса о личной судьбѣ малолѣтняго князя, было необходимо обратиться къ великому князю, какъ къ опекуну малолѣтняго князя.

Далѣе авторъ указываетъ, что политика московскихъ объединителей въ отношеніи къ владѣтельнымъ князьямъ находила полную поддержку со стороны публицистовъ того времени (Іосифъ Волоцкій).

Первая попытка поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю на новыхъ началахъ выразилась въ правленіе бояръ при малолѣтнемъ Иванѣ IV взятіемъ одностороннихъ записей съ братьевъ великаго князя, къ которымъ сами бояре за великаго князя не цѣловали креста. Разсказывая объ этомъ, авторъ доказываетъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала митрополиту Даніилу, а не боярамъ, какъ обыкновенно доселѣ объясняли. Указывая, что братъ вел. кн. Ивана IV Андрей называлъ себя холопомъ великаго государя и просилъ великаго князя о пожалованіи его, какъ Богъ на сердце государю положитъ, г. Дьяконовъ слѣдующими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе: «удѣльные князья сами признали указанное имъ мѣсто въ ряду слугъ московскихъ государей».

Четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей, а послѣднія двѣ главы, указываютъ нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ, изъ новыхъ политическихъ ученій, и представляютъ дополненіе къ главной темѣ настоящаго изслѣдованія «о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей». Авторъ, исполняя свою задачу имѣлъ право остановиться на четвертой главѣ и тогда бы его изслѣдованіе представлялось цѣлымъ и оконченнымъ, присоединеніе же двухъ дополнительныхъ главъ, которыя указываютъ «нѣкоторыя», какъ выражается авторъ, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаетъ изслѣдованію видъ

---

[1]) С. Г. Гр. и Дог., I. № 123, 124.

неоконченности, приводя къ вполнѣ естественному ожиданію, что за указаніемъ измѣненія отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ, будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ. Затѣмъ перемѣна отношеній московскихъ государей къ ихъ свободнымъ слугамъ и къ младшимъ владѣтельнымъ князьямъ московскаго великаго княженія приводитъ къ вопросу, на сколько эта перемѣна является московскою особенностью и не замѣчается ли того же и въ другихъ великихъ княженіяхъ (Рязанск., Тв.). Еслибы послѣдній вопросъ получилъ положительное рѣшеніе, то потребовалось бы дать объясненія причинъ возвышенія великокняжеской власти и въ другихъ великихъ княженіяхъ, для которыхъ неприложимы тѣ, указанныя авторомъ, основанія, которыя такъ высоко поставили самодержавіе московскихъ государей. Далѣе слѣдовало бы указать на сколько причины, возвысившія власть великихъ князей не московскихъ, дѣйствовали въ московскомъ государствѣ совмѣстно съ указанными авторомъ новыми вліяніями. По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, нельзя не имѣть въ виду того важнаго фактора, на который авторъ не обратилъ вниманія, какъ было уже указано почтеннымъ рецензентомъ изслѣдованія г. Дьяконова К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этимъ факторомъ является то, что московскимъ государствомъ начинается осуществленіе стараго чаянія русскаго народа—единства Русской земли [1]). Подобное же говоритъ и И. Е. Забѣлинъ, который признаетъ, что развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди жить за одинъ послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. «Въ лицѣ царя, говоритъ г. Забѣлинъ, русскій человѣкъ освободился отъ политическаго угнетенія, не только отъ татарскаго угнетенія, но и отъ угнетенія домашняго со стороны независимыхъ другъ отъ друга и раздѣльныхъ княжествъ и областей, которыя всячески старались обездолить другъ друга» [2]). Наконецъ, историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Славатинскій говоритъ, «что усиливать значеніе татарщины для раз-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1889, декабрь, стр. 401.

[2]) Ст. И. Е. Забѣлина «Взглядъ на развитіе моск. единодержавія», въ «Историч. Вѣстн.» 1881 г., т. IV, стр. 778, 779, 781.

витія московскаго единодержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ — органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа. Великіе князья и цари московскіе поняли стихійныя стремленія и упованія народныхъ массъ — слиться въ единое политическое и національное цѣлое и реализировали эти стихійныя стремленія и упованія» [1]). Но, указывая на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, мы должны оговориться, что было бы несправедливо умалять достоинства этого изслѣдованія на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но разборъ которыхъ самъ авторъ не ставитъ себѣ задачею и оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи. Поэтому, оставляя всѣ возможныя, желаемыя и болѣе или менѣе важныя дополненія къ разбираемому изслѣдованію, я долженъ дать свое мнѣніе по вопросу о присужденіи преміи г. Дьяконову на основаніи § 6 «Положенія о наградахъ графа Уварова». Какъ выше было указано, нельзя не признать существовавшей до появленія труда г. Дьяконова потребности въ разборѣ и повѣркѣ на основаніи первоначальныхъ источниковъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ по вопросамъ, поднимаемымъ г. Дьяконовымъ. Авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной науки. Исполненіемъ этой задачи представляется ученый трудъ, соотвѣтствующій требованіямъ науки и критики и способствующій къ познанію избраннаго авторомъ предмета, на сколько это возможно при существующихъ для того источникахъ. Авторъ, какъ было также указано, воспользовался кромѣ всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по даннымъ вопросамъ, новыми, рукописными. Отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполнѣ добросовѣстнымъ. Авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ. Возможности такой общей оцѣнки отношенія автора къ ис-

---

[1]) Система Русск. Государств. права, ч. I, 1886, стр. 40, 47, 48.

точникамъ не могутъ противорѣчить, какъ немногія исключенія, вышеуказанные невѣрные выводы изъ источниковъ, особенно замѣчаемые въ послѣдней главѣ. Ученое изслѣдованіе «Власть московскихъ государей» указываетъ, что въ лицѣ автора его наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать новыхъ существенныхъ вкладовъ въ нашу науку.

Въ силу всего высказаннаго я прихожу къ твердому убѣжденію въ необходимости признать изслѣдованіе г. Дьяконова вполнѣ достойнымъ меньшей награды графа Уварова.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Августъ 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

2007111110